

Кайл Иторр

Цена крови

Арканмиrr: Книга Зеркал

Кайл Иторр

Цена крови

«Калико Яков Владимирович »

Иторр К.

Цена крови / К. Иторр — «Калико Яков Владимирович »,
— (Арканмиrr: Книга Зеркал)

История о том, как миф становится реальностью. История о том, что из ничего ничего не получишь, что за все надо платить. История о том, что низшие кое в чем превосходят Высших. История о том, что в жизни все не так, как на самом деле, да это и не может быть иначе, ведь жизнь суть Игра... А началось, как обычно, с банальнейшего эпизода на невольничьем рынке славного турраканского города Тайра, где прогуливающийся Властитель Джафар услышал старый, почти забытый ритм «рубай»...

© Иторр К.

© Калико Яков Владимирович

Содержание

День первый,	5
Ночь первая,	8
День второй,	13
Ночь вторая,	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кайл Иторр

Цена крови

*Природа сумеет защитить себя и сама. Надо просто позволить ей
сделать это.
(Фрейя)*

День первый, который запоминается не только выгодной покупкой, но и образцами древнего стихосложения

Старый, известный только изучающим древние сказания ритм «рубай» образовывал довольно странный контраст с прозаической обстановкой рыночной площади Тайра, крупнейшего города восточного побережья.

Ни золотом, ни камнем-самоцветом
Не оценить и не измерить это;
Отдай, что ценишь сам, чтоб обрести
Утеху от заката до рассвета.

Еще более странным было то, что говорила, вернее, декламировала – женщина, ведь ска- зители в Турракане всегда были мужчинами.

Прогуливавшийся по рынку высокий человек в свободных одеяниях черного цвета повернулся к помосту, где обычно выставляли на продажу невольников. То, что рядом с рас- порядителем стояла среднего роста женщина, не удивило его. Интереснее оказался тот факт, что одежды ее были из простого белого хлопка, и не походили на почти прозрачную кисею, в какую обычно облачали продаваемых наложниц.

Человек в черном сделал несколько шагов в направлении помоста. Покупателей в тот день было не особенно много, и распорядитель с радостной улыбкой повернулся в сторону потенциального клиента.

– Тебе повезло, о черный тигр знойных песков, – затараторил он со скоростью всажи- ваемых в мишень стрел мастера-лучника, – выбор твой не зря пал на ясноголосую пери, чьи стихи способны заставить мужчину забыть о родном доме, чьи глаза очаровывают, подобно взору дракона, чьи...

– Чьи прелести, подобные редкому жемчугу, не нуждаются в подмалевывании кистью болтливого языка, – сухо произнес человек в черном, и в голосе его был слышен сильный акцент жителей пустыни. – Что ты просишь за нее?

– Цену назначаю я, – мягко сказала женщина.

Распорядитель скривился, но не возразил.

– Верно. Она сама продает себя. И лишь...

– И лишь тому, кого сочту достойным, – кивнула она.

Человек в черном отстегнул край каффии и откинул его, открывая сухощавое лицо неопределенного возраста и короткую, густую бороду рыжевато-каштанового цвета с несколь- кими седыми прядями. Холодный, изучающий блеск желтовато-карих глаз был нацелен на странную «невольницу». Ответный взгляд оказался не менее пристальным.

– Да, ты достоин, – молвила женщина. – Ты готов отдать то, что ценишь выше золота и камней?

– За тебя – не жалко. Ты возьмешь эту цену у меня в доме.

Слегка наклонив голову в знак согласия, она сошла с помоста.

– Эй, а как же моя доля? – возопил торговец, чувствуя, что этот день может для него завершиться крупной неудачей.

Человек в черном пожал плечами.

– Могу предложить только это.

К ногам торговца с тихим звоном упали два «орла»; эти старинные монеты из червонного золота, равные по весу десяти золотым новой чеканки, ценились повыше. Протестовать распорядитель не решился, хотя плата эта была меньше того, что можно заработать на продаже рабыни. А не решился потому, что знал: многие швыряются золотом и самоцветами, но во всем Турракане лишь один человек способен так вот, походя, расплачиваться «орлами»...

Цитадель из черного камня и темно-синего металла возвышалась за северной окраиной города. Врата ее были закрыты, и подле них не было заметно караула из опытных гвардейцев; в подобном карауле не было нужды.

Человек в черном, пропустив женщину вперед, подошел к едва заметной боковой дверке. Он не сказал ни слова – та открылась сама, и внутри не было ни привратника, ни хитроумного механического запора, какие не так давно начали ставить прибывшие с Темной Стороны гномы (не всем желающим, понятное дело, а лишь самым богатым). Узкая винтовая лестница начиналась почти сразу за дверью, и через несколько минут подъема отъехавшая в сторону деревянная панель выпустила их из потайного хода в небольшой, уютный зал. Лишенный окон, он был освещен мерцающими желтыми кристаллами колдовских светильников, расставленных по углам.

– Располагайся где хочешь, – кивнул человек в черном, – и я даю тебе позволение открыть лицо.

– Слушаю и повинуюсь, – насмешливо произнесла невольница, преувеличенно низко кланяясь.

Чадра упала, открыв ее лицо с тонкими чертами жительницы северного Турракана, однако черные как смоль волосы скорее были характерны для южан; серые же глаза вообще почти не встречались среди истерлингов. Опытный взор хозяина цитадели не мог, однако, определить даже возраста женщины точнее, чем «от двадцати до сорока».

– Должна ли я открыть еще что-нибудь, о мой Властитель? – прежним насмешливым тоном осведомилась она.

– Пока в том нет нужды, – проговорил он, пропуская насмешку мимо ушей. – Поведай лучше, каковы же те «утехи от заката до рассвета», что ты... предлагаешь.

– На севере и дальнем западе таких, как я, называют менестрелями, – молвила женщина. – В Турракане этот вид искусства почему-то развит очень слабо. Да, здесь встречаются сочинители баек и сказаний, но они, во-первых, исключительно мужчины, а во-вторых, говорят лишь о битвах и деяниях ведомых божественным провидением. Я ничуть не сомневаюсь в полезности таких легенд, но не вижу и причин, по которым сказители должны сдерживать колесницу своей фантазии, чтобы не свернуть на непроторенную дорогу.

– Итак, – подвел итог этой короткой речи человек в черном, – ты считаешь своей обязанностью доказать, что легенды способна рассказывать и женщина.

– Именно так. И рассказывать эти легенды следует именно ночью, когда солнечный свет не опалает голов, дабы мысли слушателей могли устремиться в нужное русло.

– Скажи-ка, а у тебя таких сказаний, случайно, не на тысячу и одну ночь?

– О нет, лорд Джафар, – улыбнулась она. – И зовут меня не Шахразадой. Я слышала эту легенду...

Властитель Турракана хмыкнул.

– Ну что ж, закат уже близится. Чувствуй себя здесь гостьей; я прикажу доставить все необходимое. Испытай свое искусство на мне – и если оно заслуживает того, ты получишь награду.

Через несколько часов он вновь появился в зале, теперь облаченный в мягкий халат. Цвет халата, однако, был прежним; по ведомым ему одному причинам, Джафар-Алхимик всегда носил черное.

Невольница, также сменившая дорожное платье на легкие одежды из полупрозрачного серебристо-серого шелка, поклонилась Властителю, подвела его к приготовленным подушкам, уложила, придвинула кальян и укрыла тонким черным покрывалом из сидонской шерсти. Сама она устроилась подле него на пушистом сидонском же ковре, свернувшись клубочком и прикрыв плечи и спину пестрым серо-голубым покрывалом, вытканым в Утике.

– Начинай, – молвил Джафар. – Как это там полагается – «дошло до меня, о великий владыка»...

– С твоего позволения, Властитель, я буду рассказывать так, как умею, – возразила невольница. – И прошу, не перебивай моих речей, а с наступлением рассвета не заставляй продолжать.

– Слушаю и повинуюсь, – усмехнулся Алхимик.

Тихий, вкрадчивый женский голос начал:

Неровных слов рифмованная вязь
И яд спокойных, выверенных фраз –
Ничто. Их все равно никто не слышит,
Покуда не придет искомый час...

Джафар закрыл глаза и втянул в себя ароматный дым кальяна.

Он не слышал слов.

Но он видел то, о чем рассказывала невольница, и видел это так, как если бы сам был там...

Ночь первая, которая открывает лица главных участников истории, хотя они об этом не знают, поскольку не способны видеть скрытое

Глядя на свое разоренное жилище, она знала, что сделавший это убил ее. Убил столь же верно, как если бы самолично всадил клинок в сердце.

Но даже мертвые могут отомстить.

Точнее говоря, взять долг, который не был оплачен при жизни. И взять его – сполна.

Она не старалась ничего запоминать. В том не было нужды – проживи она еще сотню лет (что маловероятно), и тогда мельчайшие детали сегодняшнего ужаса будут являться ей и в ночных кошмарах, и наяву. ТАКОЕ – не забывается.

В кровавом тумане, на грани безумия, она шла на север, по следу свершившего злодеяние; и в глазах ее была смерть...

Торговцы подобрали ее на тракте между Дамаском и Тарсусом. Она едва тащилась, измученная голодом и жаждой, но гнавшая ее вперед внутренняя боль была куда сильнее.

Старшина каравана, аз-Замин, повидал за свои пять с лишним дюжин лет много всякого. Ему самому не раз доводилось хлебать из чаши горестей и зла; но все же вырывавшиеся из пересохшего рта странницы слова заставили пожилого истерлинга содрогнуться.

Убийство называлось смертным грехом и в Солнцеликом Завете, и в более древних заповедях. Впоследствии толкователи высших законов многократно уточняли, чем же убийство отличается от отнятия жизни, и при каких обстоятельствах последний поступок НЕ считается смертным грехом (или не является грехом вовсе); однако рассказанное женщиной было столь жутко, что никакого толкователя здесь не требовалось...

Она ни о чем не просила. Достаточно было посмотреть в ее глаза, чтобы понять, ЧТО нужно женщине, даже если сама она этого не ведала. И аз-Замин рассказал все, что знал.

И сделал он это вовсе не потому, что не желал весь остаток своих дней жить с камнем на сердце и шрамами на совести. Просто торговец был человеком довольно набожным и соблюдал главные принципы своей веры. В которые входила и всяческая помощь ищущим справедливого отмщения.

Не всем Богам угодна месть, однако на право именоваться «Справедливыми» претендуют все Высшие. И справедливость эта (о чем хором говорят и создатели легенд, и служители Богов) вершится руками смертных. И не иначе. «Высший Суд» же – выдумка тех, кто считает смертных не последователями Богов, но Их рабами, не имеющими собственной воли и разума...

Тарсус не был большим городом, однако с непривычки ей далеко не сразу удалось отыскать нужное место. Прохожие не уделяли особенного внимания женщине в традиционных темных одеждах, оставлявших открытыми лишь кисти рук и глаза, но все же она старалась держаться в тени и ни с кем не разговаривать. Впрочем, такое поведение считалось вполне типичным для женщин (по крайней мере, в просвещенном Турракане), и ее опасения не подтвердились.

Наконец, путница с облегчением вздохнула. Небольшой, окрашенный белой известью домик из самана был именно тем местом, которое ей описали. Во дворе перед домом шумно возилась детвора, ввиду малолетства лишенная даже набедренных повязок; сидящие на ска-

мье две молодые женщины с улыбками наблюдали за малышами, как то всегда и везде делают матери. Подавив острый приступ боли, путница открыла сплетенную из лозы калитку и вошла.

– Ступила ли моя недостойная нога во двор дома, где проживает знаменитый охотник, истребитель чудовищ ар-Рахим? – прозвучал ее вопрос в традиционно-изысканной манере.

– Ты не ошиблась, странница, – ответила одна из женщин в том же тоне, – здесь действительно живет мастер ар-Рахим. Однако я должна огорчить тебя: его сейчас нет здесь, он прибудет лишь на исходе луны.

Женщина в темном одеянии, будто обессиленная или охваченная горем, опустилась на землю.

– Да озарит Свет его дорогу, но как же быть теперь?! Мне сказали, что лишь он может помочь...

– Проходи сюда и дай отдых стопам своим, – предложила вторая женщина, указав на скамейку, – а если желаешь, сними тяжесть и с сердца. Я – Мариам, а это сестра моя, Фариза; нам выпало счастье стать хранительницами уюта в доме ар-Рахима, и коль ты поведаешь о том, что гнетет тебя, может быть, мы сможем дать добрый совет.

Воспользовавшись любезным приглашением, путница присела на скамью и откинула покрывало с лица, благо мужчин поблизости не было. Смуглое лицо ее избородили морщины, а в черных волосах отчетливо проглядывала седина, однако это не могло многого поведать о возрасте женщины – так выглядят почти все жительницы пустынь, перешагнувшие за вторую дюжину лет...

– Меня зовут Аджан, – молвила она, – я много лет жила в предгорьях Хребта Полумесяца, между Иссимой и Черными Песками. Мой муж давно пропал без вести, и единственной отрадой моей жизни оставались двое детей...

Ее голос задрожал. Женщине несложно солгать мужчине, но не другой женщине; Мариам и Фариза чувствовали, что каждое слово гостыи было правдой. И чувствовали также страшную, кровоточащую рану в ее сердце.

Они уже понимали, что воспоследует дальше, когда Аджан справилась с отказывающимся повиноваться языком и продолжила:

– И вот однажды, когда я отлучилась из дому, пришло чудовище. Я не ведаю, что именно это было – но лишь чудовище могло убить двух беззащитных, никому не причинивших вреда малюток...

Аджан вновь замолчала. Слезы всегда облегчают боль, но ЕЕ боль была слишком велика для слез. Мариам никогда не испытывала такого, но сама будучи матерью, понимала чувства южанки. Обняв Аджан, она что-то успокаивающе зашептала на ухо женщине, потерявшей своих детей.

– Чудовище ушло на север, – вновь заговорила Аджан. – Вся в тумане, я шла за ним, но потеряла след... Караван подобрал меня на полдороге к Тарсусу, и от торговцев я узнала о Джемале ар-Рахиме, истребителе чудовищ, защитнике обиженных... и что во всем Турракане лишь он сможет отыскать убийцу...

Ее вновь затрясло. Слез по-прежнему не было, и зрелище от этого стало еще страшнее.

К коленям Аджан озабоченно прильнула девчушка не более двух лет от роду; обняв их, она что-то неразборчиво залепетала. Несмотря на боль, женщина улыбнулась и погладила малышку по головке, взъерошив темные волосы. Глаза потеплели, ужас пережитого отступил.

Фариза переглянулась с сестрой и твердо заявила:

– Ну вот что, милая, никуда ты отсюда не уйдешь! Подожди Джемала здесь – и Я обещаю, что он тебе поможет! Прокормить мы тебя уж как-нибудь сумеем, да и за детьми присмотрим. Сумеешь, а?

Аджан, помолчав, встала и низко поклонилась.

– Клянусь Светом, я не обману вашего доверия! Все, что я имею и умею – принадлежит вам!

* * *

Двухлетняя Зулейка уснула мгновенно, Мариам не понадобилось даже спеть обычной колыбельной. Фаризе пришлось несколько минут покачать трехлетнего Ахмеда, но это также не отняло много времени. После этого, с улыбками переглянувшись, они бесшумно направились ко второй спальне – проверить, как там Аджан справляется со старшими сорванцами. Пятилетние Ицхак и Джамад по вечерам доставляли матерям массу хлопот.

Однако, в комнате не было слышно ни обычной драки на подушках, ни прыжков в стиле горных козлов или степных джейранов. Дети тише затаившихся мышей лежали на подушках, сверкая глазенками в темноте, а устроившаяся около входа Аджан шепотом рассказывала:

«...И тогда рыбак поднял кувшин, не слушая более причитаний вероломного ифрита, и вошел в лодку. Он плыл до тех пор, пока берег не скрылся за горизонтом, и лишь тогда взял кувшин, размахнулся и забросил его в море – далеко-далеко, туда, где до дна не достать ни самому опытному ныряльщику, ни самому тяжелому неводу.

Тот кувшин и доселе лежит там, а не ведающий благодарности ифрит все сидит внутри, ибо крепка печать Сулеймана, и некому снять ее. И так будет всегда, пока плещутся морские волны, пока гуляет по степным просторам вольный ветер, пока днем по небесной дороге катит золотая колесница солнца, а ночью – плывет серебряная ладья луны...»

Заслушавшись, Мариам и Фариза задремали сидя, упустив момент, когда голос Аджан утих. Что уж говорить о детях!

– Это было великолепно! – подошла Мариам утром к гостье. – Никогда не доводилось слышать такого... о, конечно, многие рассказывают сказки, но ТАК – никогда!

– Здесь нет ничего особенного, – Аджан явно смутила эта искренняя похвала, – ведь дети – всегда дети...

Ее лицо вновь потемнело. Мариам быстро схватила южанку за плечи и как следует встряхнула.

– Я понимаю, что ты не можешь не думать о них, – намеренно жестко сказала она, – но нельзя же убивать себя каждую минуту!

– Знаю, – прошептала Аджан, – но я просто не могу...

– Можешь и должна! Пока ты жива – всегда ЧТО-ТО можно сделать! – Мариам внезапно улыбнулась. – О Свет, я в жизни не подумала бы, что заговорю как Джемаль! Это он любит вести такие «беседы о возвышенном», когда как следует расслабляется...

– Наверное, он прав... – проговорила южанка после недолгой паузы; глаза ее вновь были нормальными, не застланными этой жуткой пеленой смерти. – Но я не могу так, я просто не выдержу...

– Выдержишь.

– Ты не понимаешь...

– Выдержишь. Коль уж ты добралась сюда – выдержишь еще несколько дней. Поговоришь с Джемалем, авось легче станет. Будь ты мужиком – не знаю, но мы, женщины, куда крепче их...

* * *

Могучие крылья приземляющегося грифона создали в небольшом дворике целый ураган. Детвора с радостным визгом кинулась врассыпную, кроме двух старших – приготовив соответ-

ствующие своему пятилетнему возрасту сабли из ивовых прутьев, они с двух сторон бросились на спрыгнувшего с шеи грифона человека. Тот перехватил нападавших в прыжке, без труда поднял за шкурки и рассмеялся вместе с ними.

– Ну-ну-ну, уж в собственном доме не узнают, – сказал ар-Рахим, опуская детей на землю и награждая каждого шлепком пониже спины. – Мы еще поиграем, обещаю; но сейчас дайте вашему уставшему папаше отдохнуть и пообедать. Мариам, Фариза – встречайте!

– У нас давно все готово, – раздался из-за двери голос Мариам, – заходи, Истребитель Нечисти – только сперва смой с себя всю нечисть!

– Это та нечисть, которая грязь, – уточнила Фариза, и обе весело захихикали.

Что-то ворча насчет бабского помешательства на чистоте, охотник сбросил запыленный бурнус и рубаху, опрокинул на себя несколько ведер воды из заботливо приготовленной лохани, встряхнулся, похожий на большого кота, надел вывешенный здесь же халат и вошел в дом, где бывал самое частое две-три луны в год. Впрочем, это его устраивало – ар-Рахим был бродягой по натуре...

Завершая трапезу, охотник впервые за последние недели почувствовал себя человеком. Когда он наконец смог оторвать свой взор от тарелок, быстро сменяющихся под смешки жен, внимание ар-Рахима сосредоточилось на незнакомке, судя по бесформенной одежде – уроженке южных пустынь. Сведя брови, он вопросительно посмотрел на Мариам, однако та сделала знак – не отвлекайся, мол, потом расскажу. Настаивать охотник не стал, тем более, что пренебрегать стряпней подобного качества было не в его правилах.

Наконец, сыто рыгнув, ар-Рахим отодвинулся от стола. Возлежа на мягких подушках, он сейчас являл собой образец абсолютно довольного жизнью человека, и очень надеялся, что ему позволят побыть в таком состоянии еще хотя бы несколько дней. Опыт и интуиция, однако, вкупе с выражением лица Мариам, подсказывали охотнику, что надежде этой сбыться не суждено.

Так и оказалось.

– Это Аджан, – сказала Фариза, и южанка низко склонилась. – Можешь открыть лицо: Джемаль тебе не причинит вреда, и он любит видеть, с кем разговаривает.

Женщина послушно откинула чадру. Ар-Рахим мысленно поморщился: сколько бы ревнители древних традиций ни твердили, что родина истерлингов – пустыня, сам он никогда не позволит своим женам и дочерям жить там. Взглянуть хотя бы на эту: Аджан не больше тридцати, но выглядит она куда старше, чем многие пятидесятилетние жительницы Тарсуса, не говоря уж о городах Приморья...

Рассказ охотник пропустил мимо ушей; подобные истории он слышал часто. Слишком часто. Бессмысленно было и задавать наводящие вопросы: знай она то, что его действительно интересует, наверняка бы сказала. А это означало, что придется, как обычно, пойти несколько более сложным путем.

Аджан говорила правду, всю, которую понимала. Но ар-Рахим знал, что южанке известно больше, чем она сама думает. Поэтому он спокойно дождался завершения повествования, движением бровей приказал женам убраться из комнаты (охотник понимал, что они все равно будут подглядывать в щели, но это его мало волновало) и предложил Аджан сесть.

– Расслабься и сосредоточься на том мгновении, когда ты впервые увидела... знаю, это больно, но все же ты должна сделать это.

Южанка до крови закусил губу. Ар-Рахим тенью стоял за ее спиной, ловя малейшие следы нужного образа. Процедура эта не доставляла ему никакого удовольствия, но иного выхода не было. СЛЕД надо взять, и охотник не может позволить себе иных мыслей.

СЛЕД, отпечаток деяний Зверя, можно увидеть только так. Подлинные Истребители Нечисти часто пользуются этим приемом, оттого-то от них ни одна тварь не ускользает. Ар-Рахим только называл себя Истребителем, однако владел частью доступных тем средств.

Шорох песка... блеск стального когтя... огонь... скрип чешуи...

Его отбросило к стене, словно ударом молнии. Поднявшись на ноги, охотник потер ноющие виски и подошел к женщине, которая рыдала без малейшего следа слез.

– Все. Я взял СЛЕД. Теперь чудовище не уйдет от расплаты.

– Ты... видел его? – выдохнула Аджан.

– Я видел СЛЕД. И я узнал его.

– Но кто это?

– Дракон. Даю слово: я отыщу тварь и заставлю заплатить за все.

Ар-Рахим говорил уверенно и твердо, однако сам этих чувств отнюдь не испытывал. Драконы не были обычными чудовищами или хищными животными; настоящий Истребитель Нечисти, и тот ОЧЕНЬ призадумался бы, прежде чем решиться на бой с таким противником.

Но у охотника не было выбора. Он дал обещание, а чтобы нарушить свое слово, ему нужна была более веская причина, чем перспектива боя с какой-то крылатой ящерицей...

День второй, ничем особенным, кроме нескольких разговоров, не знаменательный

– Наступил рассвет, Властитель, и я должна прекратить дозволенные речи, – проник в его сознание тихий голос.

Джафар с трудом открыл глаза.

– Ты действительно умеешь рассказывать, – проговорил он. – Это искусство сродни дару Мастера Сна, не так ли?

– Я не вольна говорить об этом.

– Не буду настаивать. Разрешено ли тебе говорить при свете дня о чем-либо другом, не о той истории, что ты обещала поведать?

– Да, конечно. Но позволь мне сейчас удалиться на отдых, Властитель: я не обладаю твоей способностью не спать день и ночь.

– Если желаешь, я могу придать тебе сил и бодрости.

– Я бы хотела отдохнуть так, как привыкла. Прости, лорд Джафар, но ты ведь знаешь, что различные виды искусства могут плохо сочетаться.

Алхимик кивнул и, неслышно ступая по ковру, покинул зал.

– Я вернусь к вечеру, – бросил он через плечо. – Напоминаю еще раз: считай себя здесь не рабыней, а гостьей, и не стесняйся приказывать.

– Как скажешь, Властитель, – ответила «гостья», зевая и прикрывая рот рукой.

Не собираясь далее бороться с усталостью, она придвинула к себе пару подушек, улеглась поудобнее и крепко заснула.

День прошел спокойно. С помощью колдовского зеркала Джафар обозрел рубежи Турракана, удостоверился, что ни один из прочих Властителей не предпринял попытки нападения и не начинает подготовку таковой, передал несколько распоряжений в Дамаск, Иссиму, Сидон и Канны – пусть наместники некоторое время управляют с делами сами, без приказов свыше. Затем Алхимик проверил, как идет работа в Гильдии Магов, подбросил магистру аль-Хусейну несколько прозрачных намеков, выслушал ответ, и согласился с разумным предложением не торопиться без нужды – ибо результат всякой поспешной работы пригоден лишь для хрюкающих обитателей Зурингаара.

К вечеру Джафар вновь появился в покоях, где поселилась мастерица рассказывать интересные истории. Еще раньше он распорядился насчет того, чтобы «гостью» обслуживали так, как если бы то была чужеземная принцесса (многоопытные слуги Алхимика долго ломали себе головы над значением этого странного титула).

– Если хочешь, завтра днем я отпущу тебя в город, или сам прогуляюсь с тобой, – сказал Джафар, устраиваясь на подушках. – Незачем держать тебя взаперти; я верю, что ты не сбежишь.

– Мне нет нужды убегать, Властитель, – согласилась женщина, – ведь обещанную награду я получу не ранее, чем закончу рассказ. А в город мне пока не хочется. Благодарю, однако, за предложение... но мы отвлеклись.

– Ничуть. До заката еще больше часа. Может быть, поговорим пока о чем-нибудь нейтральном, коль уж сказание продолжать еще рано.

– С удовольствием. О чем ты хотел бы узнать?

Алхимик фыркнул.

– Обычно вопросы задают мне. Но пусть так... В своей сказке ты упомянула драконов. Что тебе известно о них?

Рассказчица возвела очи горе.

– Драконы! Неизменные персонажи легенд о великих героях древности – ибо нет героев без жертв! Хитры, злобны, кровожадны, падки на золото и драгоценности – но при этом знают больше, чем сотня мудрецов вместе взятых, умеют больше, чем сотня магов вместе взятых, и вообще чуть ли не равня ушедшим богам несуществующих народов! Ты это желал услышать, Властитель?

– Это все, что ты о них знаешь? Не много.

– Это лишь то, что известно всем, – возразила женщина, загадочно улыбаясь. – Если тебе интересно МОЕ мнение – я полагаю, что в этом много правды, но еще больше лжи.

– Это уже интереснее.

– Вероятно. Так вот, в некотором смысле драконы – или, как они зовут себя, Крылатые, – ничем не отличаются от людей. Хотя они и бессмертны (в смысле, неподвластны старости), среди них есть умные и глупые, есть слабые и сильные, есть умеющие контролировать себя и живущие лишь эмоциями. Тебе, думаю, известно, что Истребители Нечисти крайне неохотно заключают контракты против драконов?

– Истребители всегда, как говорится, себе на уме. Мне известен их кодекс. Ни одного четкого правила, только «Нечистью считается то, что называет Нечистью сам Истребитель» – если бы мои алхимики работали так, мы бы до сих пор были варварами-кочевниками, подобно Всадникам Ветра.

– Истребители, лорд Джафар, работают при всех своих странностях очень эффективно. А что наемники при их упоминании черной желчью исходят – так то внутренние проблемы. Так вот, Истребители считают, что в каждом живом существе есть некий Зверь, и если этот самый Зверь берет верх над разумом – рождается чудище, нечисть. Таких вот чудищ, или Зверей, они и изничтожают.

– Не лишено логики, но при чем тут драконы?

– А драконы, Властитель, как говорят Истребители, обладают настолько высокоразвитым разумом, что у них Зверь практически никогда не выходит на волю. И все сказки о зверствах драконов, погубленных селах и тысячах трупов мирных дехкан – они сказки и есть. При твоём всеведении совсем нетрудно узреть, сколько таких случаев произошло в Турракане; понятно, что остальные – выдумка.

Алхимик провел пальцами по бороде.

– Допустим. Но выдумка никогда не появляется сама собой. Только тогда, когда это кому-то нужно.

Рассказчица прищурилась.

– А вот теперь, лорд Джафар, задумайся: КОМУ выгодна вражда людей и Крылатых. И пока ты будешь думать, я продолжу повествование – ибо алая колесница заката уже опускается за хребет Зур...

Усилием воли Властитель Турракана переместил эти мысли в дальний уголок разума, чтобы возвратиться к ним как-нибудь на досуге. Расслабившись, он заложил руки за голову и, готовый к видениям, прикрыл глаза. Сегодня курить не хотелось.

Голос собеседницы был тих и печален:

Порою трудно слушать тишину,
Оставив сзади жизни кутерьму –
Но есть ли путь иной? Мы не узнаем,
Покуда сами не уйдем во тьму...

И безмолвная тьма сомкнулась над Алхимиком – чтобы, вскоре рассеявшись, открыть то, что могут и чего не могут показать слова...

**Ночь вторая,
которая рассказывает об иных сторонах описываемых
событий, не менее важных, хотя это можно и оспорить**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.